

КАЗУС РУССКОЙ ФИТОСОЦИОЛОГИИ

ШМЕРЛИНА Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (shmerlina@yandex.ru).

Аннотация. В статье дается исторический обзор становления и развития русской фитосоциологии и ее явных и подспудных взаимосвязей с социологией. Рассмотрены причины обращения науки о растительности к понятийному аппарату социологии. Показано, что социологические метафоры, которыми пользовались фитосоциологи, по своей сути были инструментами системных обобщений и в этом плане имеют междисциплинарное звучание. В статье показан интерес П. Сорокина к фитосоциологии, для которого она служила аргументативной базой в споре с номинализмом и источником концептуальных идей. Обосновывается предположение, что центральное для социологии Сорокина понятие «взаимодействие» было выработано им под влиянием чтения фитосоциологических работ В.Н. Сукачева и Г.Ф. Морозова. Рассмотрены возможные теоретические коннотации между фитосоциологической проблематикой и исследовательскими интересами современной социологии.

Ключевые слова: фитосоциология • метафора • растительное сообщество • взаимодействие • социальная среда • реализм/номинализм • дискретность/континуальность • П.А. Сорокин • междисциплинарность

DOI: 10.31857/S013216250007109-2

Две противоположные тенденции можно различить в социологическом теоретизировании: первая, более мощная, связана со стремлением свести социологическое знание к познанию продуктов лингвистического конструирования, вторая, явно более маргинальная – выйти в осмыслении социальной реальности за границы не только человеческого языка и сознания, но и человека как такового. В ракурсе последней тенденции, которую можно назвать внесубъектной, обращение к теме фитосоциологии – «одной из самых ярких – и самых эпатажных – аналогий в истории науки» [Линник, 2013: 54–55] выглядит интригующе, но уместно. Впрочем, на этапе становления социологической мысли подобные аналогии не казались такими уж вызывающими; так, для П. Сорокина существование фитосоциологии, как и зоосоциологии – научная данность, не вызывающая ни удивления, ни возражений и даже, как это ни парадоксально, оттеняющая необходимость специальной социологии, занимающейся человеком, – homo-социологии [Сорокин, 1920: 10–11].

История термина «фитосоциология» и борьба вокруг него. Само появление фитосоциологии – как термина и как комплекса теоретических взглядов, сформировавших науку о растительных сообществах, – представляет собой любопытный сюжет из области истории идей. Понятие «фитосоциология» появляется в ботанике почти одновременно в работах разных, не связанных взаимными контактами и влияниями, ученых (см.: [Работнов, 1995; Линник, 2013]). Считается, что впервые оно прозвучало в 1896 г. в статье И.К. Пачоского «Социальная жизнь растений», опубликованной в польском журнале «Всехсвят» («Wszystki»)¹. Чуть позже, в 1898 г., уже на русском языке и независимо от Пачоского, термин «фитосоциология» для обозначения новой науки предложил другой русский ботаник – П.Н. Крылов в статье «Очерк растительности Томской губернии».

¹Пятью годами ранее Пачоский уже фактически выделил соответствующую дисциплинарную область, назвав ее «флорологией» и анонсировав как «науку о генезисе, жизни, развитии и распространении растительных ассоциаций», подчеркнув при этом, что «флорология представляет нечто аналогичное социологии» (цит. по: [Сукачев, 1928: 226]).

Ни в 1896 г., ни в 1898 г. новый термин не услышали, что неудивительно, поскольку первое его упоминание дается в польском журнале, а второе – в мало кому известном сибирском сборнике. В третий раз, и также совершенно независимо от первых двух, слово «фитосоциология» прозвучало в 1909 г. на XII съезде естествоиспытателей и врачей в докладе В.Н. Сукачева «О растительной формации», в котором он предложил «выделить из ботанической географии в особую отрасль ботаники – фитосоциологию»². Здесь же он дает классическое определение растительного сообщества, в котором подчеркивает два его конституирующих признака – «существование определенных взаимоотношений как среди растений, так и между растениями и внешними условиями существования» [Сукачев, 1975: 41]. Именно на этих двух признаках базировались представления фитосоциологов о социологичности изучаемых ими явлений, дальше этих аналогий они старались не заходить.

Стоит подчеркнуть, что русские ботаники начали использовать социологическую терминологию задолго до того, как социология институционализировалась в России и практически параллельно с ее институциональным утверждением в США и Европе. При этом они были неплохо знакомы с концептуальным аппаратом науки о человеческом обществе. Так, Пачоский, по свидетельству Линника, был почитателем Г. Спенсера [Линник, 2013: 75], и это находит отражение в его взглядах на развитие растительного мира как на процесс разделения и специализирования функций. Если знакомство с идеями Спенсера было, по-видимому, естественно для образованной публики того времени, то обращение Сукачева к Г. Зиммелю выглядит более неожиданным. Любопытно, что из всех социологических авторов Сукачев обращается именно к нему – глубокому, но непростому для чтения автору и при этом социологу *par excellence*. Сукачеву импонировала зиммелевская идея форм обществования, позволявшая провести параллель с фитосоциологией, также ориентированной на изучении взаимодействий в их типологических воплощениях (см.: [Сукачев, 1928: 225]).

Термин «фитосоциология», метафорически схватив нечто очень важное в природе растительных сообществ, «оказался, – как пишет Сукачев, – очень удобен, и это привело к его почти общему употреблению» [Сукачев, 1928: 226].

Параллельно с распространением нового термина и почти с той же скоростью вокруг него возникло полемическое пространство. Сукачев в работе 1959 г. «Из истории возникновения и развития советской фитоценологии» упоминает ироничную реплику В.Л. Комарова, высказанную в частной беседе: «Вы станете говорить и о преступном растительном сообществе» [Сукачев, 1975: 448]. Как «открытое выступление оппозиции» Сукачев воспринял статью В.А. Вагнера³ «“Социология” в ботанике» (1912) [Сукачев, 1975: 448–449]. Эти и другие критические выступления против фитосоциологии произвели неблагоприятное впечатление на сообщество. Тем не менее, несмотря на острые дискуссии (а отчасти, возможно, благодаря им), период до начала 1930-х был весьма плодотворным для развития смелых междисциплинарных параллелей. Это было, по свидетельству самого Сукачева, «временем усиленной разработки как теории, так и практики фитоценологии» [Сукачев, 1975: 450]. Появляются ключевые работы Г.Ф. Морозова, И.К. Пачоского, В.Н. Сукачева, В.В. Алехина и др., в том числе книга Сукачева «Растительные сообщества (Введение в фитосоциологию)», значение которой истории науки оценивают очень высоко, отмечая, что она «в течение нескольких десятилетий являлась единственным систематическим руководством по фитосоциологии, по которому обучалось несколько поколений геоботаников» [Корчагин, 1975: 24]. Эту книгу Сукачев завершил весьма оптимистично

²С этим выступлением сам Сукачев и некоторые историки ботаники связывают выход фитосоциологии в научное пространство [Сукачев, 1975; Работнов, 1995; Линник, 2013]. Согласно другой точке зрения, фитосоциология (фитоценология) родилась в 1910 г. на III Международном ботаническом конгрессе в Брюсселе [Миркин, Наумова, 2016; Василевич, 2018].

³Владимир Александрович Вагнер (1849–1934) – известный российский зоолог и зоопсихолог. Решительно выступал против любых антропоморфизмов как в ботанике, так и зоологии. Представляется, что именно вследствие его влияния научное сообщество недооценило идеи А. Эспинасы (подробнее см. в: [Шмерлина, 2018]).

как в плане оценки ситуации, сложившейся вокруг фитосоциологии, так и перспектив ее развития: «...жизнь, можно сказать, уже узаконила слово “фитосоциология”», а дальнейшая разработка «этой молодой отрасли знания ...поведет к открытию новых заманчивых горизонтов, о которых мы сейчас не можем и гадать» [Сукачев, 1928: 226-227]. Косвенным, но в то же время достаточно тонким, свидетельством справедливости, на тот момент, подобных оценок служит то обстоятельство, что в специальных ботанических работах термин «фитосоциология» использовался уже без всяких комментариев и обоснований, как устоявшийся термин.

С начала 1930-х гг. фитосоциология – отчасти в содержательном, но прежде всего в терминологическом плане – подпадает под политико-идеологический надзор, разделив в этом отношении судьбу почти всей советской науки. Фактическому запрету подверглись прежде всего два термина – «растительное сообщество» и, особенно, «фитосоциология». Первый был заменен на «фитоценоз», второй – на «фитоценологию». Осуждались также любые рассуждения, в которых слышались отголоски «социологизации растительных группировок» [Сукачев, 1975: 281]. Описывая этот период в истории отечественной ботаники, Сукачев замечает, что идейно-идеологические преследования не могли «не оказать на некоторое время известное задерживающее влияние на развитие теории фитоценологии в Советском Союзе, оттолкнув ученых вообще от разработки теоретических вопросов в этой области» [Сукачев, 1975: 451].

Как свидетельствует Х.Х. Трасс, в письме к нему 1965 г. Сукачев высказывал сожаление, что «мы принуждены были в тридцатые годы отказаться от наименования нашей области ботаники “фитосоциология”». Он по-прежнему считал этот термин «более подходящим для учения о растительных сообществах, чем “фитоценология”» [Трасс, 1976: 53] – так же, как в далеком 1918 г., в статье «О терминологии в учении о растительных сообществах», считал необходимым подчеркнуть, что «термин “растительное сообщество” ...лучше, чем выражение “фитоценоз”, отвечает существу дела» [Сукачев, 1975: 106].

Зачем «социологизировать биологию»? Основной интригой в социологическом ракурсе рассмотрения истории фитосоциологии является вопрос, зачем ботаникам нужны были эти сомнительные полутермины – полуметафоры: «сообщества», «социальное», «фитосоциология», какую эвристику они вносили, что именно в социологической терминологии позволяло лучше отразить «существо дела», нежели специальный понятийный аппарат.

Примечательно, что один из крайних сторонников социологического номинализма, Г. Тард, возражая против биологизации социологии, признавал: «...полезно социологизировать биологию» (см.: [Сорокин, 1920: 241]). Социология, ориентированная на решение своих специфических задач, связанных с осмыслением социального порядка, предложила сильную модель, значение которой выходило за границы человеческого мира. Эта модель описывала специфические системы, отличающиеся (1) дискретно-суммативным принципом организации; (2) активностью элементов системы в их взаимоотношениях между собой и с внешним миром; (3) ограниченностью ресурсов внешней среды. Подобная модель совместности в принципиальном плане является общей для человека, животного и растительного мира. Исходя из этого, Пачоский в «Основах фитосоциологии» (1921) формулирует тезис о трех ипостасях жизни: I – «индивидуальная жизнь»; II – «жизнь генетических видов»; III – «жизнь общественная, социальная» (выделено Пачоским; цит. по: [Линник, 2013: 75]). Интуиции подобного рода направляли поиски фитосоциологов, акцентировавших, как подчеркивает Линник, «чисто системный, по сути, весьма абстрактный и общий характер аналогии, на которой строится сравнение растительных и человеческих сообществ» [Линник, 2013: 59].

Исходные параметры подобных систем (дискретность, активность, существование в ресурсо-ограниченной среде) делают неизбежными такие особенности их функционирования, как:

– взаимовлияния, проявляющиеся как непосредственно, так и в виде интегрированного воздействия сообщества на своих членов; соответственно, развитие каждого

отдельного элемента системы в значительной степени определяется групповым целым (феномен «социализации» в широком смысле слова);

- борьба за существование и конкуренция за ресурсы;
- отбор в соответствии с критериями приспособленности и вытеснение слабых (плохо приспособленных);
- развитие в направлении нарастания сложности, что, в частности, проявляется как дифференциация позиций, структурирование взаимоотношений в системе, установление определенного (позиционального, временного) режима доступа к ресурсам;
- активное взаимодействие со средой и изменение последней под нужды системы.

Именно эти «социальные моменты» [Морозов, 1922: 29; 1949: 310] и выделялись теоретиками фитосоциологии. При этом в некоторых вопросах они оказывались прозорливее социологов – например, в вопросе об адаптации организмов к внешней среде. Так, Пачоский противопоставлял представлению Спенсера об адаптации как приспособлении к условиям внешней среды понимание ее как взаимного приспособления организмов к внешней среде и внешней среды – к потребностям организмов (см.: [Линник, 2013: 75–76]). Сукачев также утверждал, что «...растительное сообщество тесно связано с той средой, в которой оно живет; и обратно – эта среда испытывает влияние со стороны растительного сообщества» [Сукачев, 1928: 58]. Понимание внешней среды не только как условий, требующих приспособления, но *приспосабливаемых* под потребности живущих в ней организмов и сообществ, и сегодня еще остается свежим взглядом на проблему. И в социологии, и в биологии до сих пор часто выделяется лишь пассивный аспект адаптации, в то время как более перспективно трактовать ее в ракурсе концепции аутопойетических систем как процесс и результат «формирования “структурного сопряжения” в системе “организм – внешняя среда”; “творческий” (внутренне обусловленный) ответ системы на требования среды, вплоть до приспособления среды к требованиям организма» [Шмерлина, 2013: 155].

То, что в фитосоциологии развивалось именно подобное понимание адаптации, разумеется, неслучайно, поскольку в фокусе ее внимания находились внутренние процессы, происходящие в растительных сообществах и в значительной степени определяющие как их «физиономические» характеристики, так и динамику.

Взаимовлияния растений друг на друга – важнейший конституирующий признак растительного сообщества, «социальный элемент» *per se*, осмысленный фитосоциологами как на огромном фактическом материале, что, конечно, представляет интерес только для биологов, так и концептуально, что небезынтересно для социологии. Пропущенная сквозь призму экологической доминанты мировосприятия современного человека, давно приученного к идее тесной и глубокой связи всего живущего на земле, мысль о взаимовлияниях растений в пределах того или иного растительного комплекса, будь то лес, луг, степь и пр., может показаться тривиальной. Между тем долгое время ботаники полагали, что развитие и распространение растений определяется внешними факторами, а именно – климатом и почвой [Корчагин, 1975: 9]. Обращение фитосоциологов к тем внутренним связям, которые обнаруживаются в растительных комплексах, было принципиально новым взглядом на проблему, переворачивающим прежние представления. Так, оппонируя мнению о том, что «движущая сила развития фитоценоза не в самом растении, а в среде», Сукачев подчеркивал, что она находится не в самом растении и не в среде как таковой, а «между растениями» [Сукачев, 1975: 291]. Новизна подобного подхода к проблеме заключала в себе дисциплинообразующий потенциал, и обращение к социологии – науке, сосредоточенной на процессах, протекающих между индивидами, – было вполне оправданно и естественно. Назвать подобные отношения «социальными» означало точно и емко отразить само «существо дела».

Взаимодействия и взаимовлияния растений нетрудно зафиксировать даже непосредственным наблюдением – они обнаруживаются «совершенно реально, совершенно осязаемо» [Морозов, 1949: 311]. Так, дерево, выросшее отдельно, разительно отличается от

экземпляра аналогичной породы, произраставшего в окружении других (это выражается в специфических характеристиках формы и расположении кроны, геометрии ствола). Помимо внешних признаков, такие деревья будут отличаться особенностями роста, вегетативного и семенного развития, строения древесины, питания, испарения, плодоношения (см.: [Сукачев, 1975: 99; Морозов, 1949: 310]).

Базировавшаяся преимущественно на дарвинизме, фитосоциология видела в борьбе за существование важнейший фактор организации и динамики растительных сообществ. Ее наиболее очевидные последствия связаны с установлением иерархий в плане доступа к ресурсам и вытеснением слабых экземпляров. В то же время, фитосоциологи показывали, что в ходе борьбы за существование происходит частичное приспособление растений друг к другу и появление таких эффектов, которые К.Ф. Кесслер и П.А. Кропоткин называли взаимопомощью, Эспинас – сотрудничеством, а фитосоциологи – защитными или покровительственными отношениями (речь идет о таких, например, явлениях, как защита «от заморозков, солнцепека, травяного покрова и т.п.» [Морозов, 1922: 28]⁴). Переходя на уровень более отвлеченных и рискованных обобщений, Сукачев высказал предположение, что «в строение сообщества вложен принцип ослабить борьбу за существование и дать возможность бок-о-бок существовать большему числу индивидуумов», тем самым – «наиболее полно использовать производительные силы среды» [Сукачев, 1922: 48, 56]. Еще более смелой является мысль о том, что «в противоположность человеческому обществу, в основу растительного сообщества заложен принцип, имеющий в виду выгоду целого, а не составляющих его отдельных элементов» [Сукачев, 1928: 56].

Более строгая концептуализация холистической идеи содержится в понятии внутренней, или социальной, среды.

Внутренняя социальная среда возникает как эмерджентное следствие совместного существования, разнообразных взаимных влияний и приспособлений, она есть воплощение целостности растительного сообщества и одновременно фактор формирования и поддержания его единства. Пачоский, с именем которого Линник связывает открытие целостности растительных сообществ, писал: «Близкое произрастание растений ведет к тому, что совокупность их создает известную специфическую обстановку – социальную среду, под влиянием которой протекает жизнь элементов, входящих в состав такого агрегата, а сам агрегат превращается в известное закономерное целое, которое мы называем растительным сообществом» (цит. по: [Линник, 2013: 67]). Морозов – автор, который нам особенно интересен, поскольку его читал П. Сорокин, выделял в качестве одного из «главных лесообразующих факторов» «самый лес или его внутреннюю среду, которая, раз будучи создана, сама уже влияет дальше как дальнейший фактор в жизни и метаморфозах леса». «Нам ...все время, – подчеркивал он, – придется считаться с приспособлением древесных организмов не только к внешней среде, но и к внутренней, социальной среде» [Морозов, 1949: 411; 97]⁵.

Целостность, возникающая на основе и благодаря внутренней (социальной) среде, в лесном сообществе может быть увидена непосредственно – в особенностях взаимного расположения деревьев, в явлении ярусности, в сезонной подгонке отдельных пород. Открытие подобных целостностей и было основанием для выделения специальной науки, призванной изучать ее свойства, – фитосоциологии.

⁴Если бы Эспинас знал о существовании такого рода взаимодействий в растительном царстве, он бы не сомневался в правомочности отнесения этого раздела ботаники к разряду социальных наук (см. [Эспинас, 2012: 110]).

⁵Похожие концептуализации возникали также в этологии: так, в результате длительных наблюдений над поведением популяции песцов о. Медный (Командорские о-ва) исследователи пришли «к выводу о существовании специфического вида среды – социальной – которая формируется как поведенческая среда и принципиально отличается от обычной биологической среды» (Гольцман М.Я., Крученкова Е.П. Доклад «Социальное поведение медновских (командорских) песцов» на семинаре сектора социологии знания Института социологии РАН; 14.02.2002).

Проблематика сложности. В социологии, начиная со Спенсера, развитие человеческих общественных систем связывается с нарастанием разнообразия, дифференциации и сложности. В подобной плоскости динамику растительных сообществ рассматривали и фитосоциологи, видя в факторе разнообразия важнейшее условие их образования и развития. Не исключено, что подобная аналитическая установка отчасти была инспирирована чтением Спенсера, с творчеством которого были знакомы Пачоский, Морозов, а также, скорее всего, и другие фитосоциологи. В этом отношении особенно выделяются лесные сообщества, сложное строение которых, предполагающее неоднородность и неравенство, создает в итоге оптимальную систему, отличающуюся целесообразностью, взаимовыгодным сотрудничеством и гармонией. По словам Сукачева, «лесные сообщества среди других сообществ являются наиболее высоко развитыми в социальном отношении» [Сукачев, 1928: 46]. Как показал С.И. Коржинский, именно вследствие фактора разнообразия эволюция растительных покровов идет в направлении замещения леса степью, поскольку «лесные формации представляют ...более сложный тип, чем степные» (цит по: [Линник, 2013: 78–79]).

Русская фитосоциология представляла собой, таким образом, любопытный феномен. С одной стороны, она базировалась на очень конкретном, зримом и осязаемом материале, который описывала дотошно и скрупулезно, с привлечением фотографий, рисунков, статистических данных, графиков, схем. С другой стороны, в анализе этого материала фитосоциологи прибегали к системным обобщениям высокого, порой даже метафизического уровня и очень редко скатывались на уровень плоских непосредственных уподоблений. Как замечает Линник, «Русская фитосоциология предвосхитила системное мышление. Она не отодвигала – она аналогизировала» [Линник, 2013: 57]⁶.

Следует ли «биологизировать социологию»? Заявив о том, что «полезно социологизировать биологию», Тард подчеркнул: «...бесполезно и вредно биологизировать социологию» (цит. по: [Сорокин, 1920: 241]). Сукачев, напротив, утверждал: «...те замечательные достижения, которыми [фитосоциология] ...обладает в отношении выяснения закономерностей построения и жизни растительных сообществ, ...привлекают внимание и социологов» [Сукачев, 1928: 5–6]. Это утверждение небезосновательно. Биологи и социологи, занимавшиеся изучением феномена социальности на разном предмете и в разных дисциплинарных ракурсах, знали о существовании друг друга и прислушивались к идеям друг друга. В период становления русской социологии и фитосоциологии имел место реальный и весьма плодотворный междисциплинарный диалог – ботаники взяли из социологии концептуально глубокую метафору сообщества, социологи (по крайней мере, в лице Сорокина) смогли оценить силу системных идей, посредством которых ботаники обобщали свои наблюдения. В контексте достаточно открытой в дисциплинарном отношении научной ситуации тех лет не кажутся удивительными рассуждения Сорокина о правомочности существования разных социологий – зоо-, фито- и homo- – и о возможности сотрудничества между этими науками [Сорокин, 1920: 11]. Есть основания полагать, что своим развитием социология в России (впрочем, не только в России) отчасти обязана животной и фитосоциологии – как в плане формирования общего пространства идей, так и в плане некоторых конкретных концептуальных влияний. Впрочем, акцент стоит сделать не на дисциплинарных или авторских приоритетах, а на социологически фокусированной ментальности эпохи, порождающей соответствующие интуиции в разных областях знаний.

Наблюдения фитосоциологов давали, как показано выше, основания для системных обобщений, способствовали осмыслению глубокой взаимосвязи элементов популятивных комплексов и универсального механизма социализации, который специфическим образом

⁶В связи с этими особенностями теоретической рефлексии русских фитосоциологов стоит заметить, что критика Вагнером «социологии в ботанике» [Вагнер, 1912] бьет мимо мишени, поскольку построена на попытке показать отсутствие признаков сходства между животными и растительными объединениями, в то время как фитосоциология выявляет сходство на уровне системных изоморфизмов.

проявляется уже в растительном царстве, порождая внутреннюю социальную среду и превращая суммативные объединения в реальные (а не номинальные) единства. Русская социология была готова обсуждать эти сюжеты, фактически признавая наличие общего проблемного поля социальной науки, понятой предельно широко, как наука о популятивных целостностях.

Пример П. Сорокина в этом отношении особенно интересен. Фитосоциология, по-видимому, привлекала его наглядностью своего предмета: представители этой школы строили свои философско-социологические рассуждения на вполне конкретном, эмпирически доступном и осязаемом материале, и это не могло не импонировать Сорокину, тяготеющему к субстанционально-вещественному реализму (что хорошо демонстрирует его концепт проводника). В «Системе социологии» (1920) Сорокин упоминает ключевые фитосоциологические работы Сукачева и Морозова и даже приводит обширную цитату из последнего, противопоставляя ее «глубоко ошибочным» словам Н.И. Кареева о том, что «лес деревьев не составляет общества, и нахождение дерева среди других деревьев ничего не прибавляет к его природе». По мнению Сорокина, «дело обстоит как раз наоборот» [Сорокин, 1920: 247]. Сегодня это кажется поразительным, но Сорокин использует данные фитосоциологии как теоретический аргумент против номинализма Тарда, упрекая последнего в том, что он «похож на человека, "из-за деревьев не видящего леса", леса как общества взаимодействующих деревьев, отличного от простой суммы не взаимодействующих древесных единиц» [Сорокин, 1920: 247].

Фитосоциологические наблюдения служили, таким образом, убедительным материалом для Сорокиным в выработке позиции относительно непростой дилеммы социологического реализма/номинализма. Более того, не исключено, что само понятие «взаимодействие», в котором Сорокин видел основное содержание и сущность общественной жизни, появилось в его социологии благодаря чтению фитосоциологических работ Морозова и Сукачева⁷ – концептуальные и текстологические параллели между рассуждениями фитосоциологов и Сорокина очевидны.

При всей смелости, с которой Сорокин прибегал к междисциплинарным обобщениям, он, однако, никогда не давал повода для подозрений в редукционизме, но, напротив, подчеркивал существование резкой грани между фито- и зоосоциологией, с одной стороны, и homo-социологией – с другой. В то же время, Сорокин считал обязательным для социолога считаться с данными биологии и «там, где это возможно, ...сводить изучаемые им процессы к их биологическим основам» [Сорокин, 1920: 15].

Таким образом, фитосоциология занимает некое скромное место в истории социологии; на этапе становления социологической мысли она давала ей материал для осмысления, концептуализаций и философско-гносеологических обобщений. Упомянем также об участии фитосоциологии в формировании историософской концепции евразийства. Как пишет Линник: «Под влиянием русской фитосоциологии евразийцы рассматривали отечественную историю в ...категориях: лес против степи – степь против леса» [Линник, 2013: 77]; здесь следует упомянуть прежде всего учение С.И. Коржинского, которое легло в основу историософских концепций Г.В. Вернадского и П.Н. Савицкого.

Исследования популятивных систем всегда будут провоцировать на междисциплинарные сопоставления и порождать более или менее плодотворные эвристики. В качестве возможных сегодня теоретических коннотаций фитосоциологических идей следует указать прежде всего на проблематику границы, имеющую принципиальное значение для любой системы и науки, изучающей ее в том или ином содержательном преломлении.

В социологии понятие социальной границы – важный, но слабо отрефлексированный концепт [Беспамятных, 2012], отсылающий к Г. Зиммелю, И. Гофману, Н. Луману. Безусловно, символические границы социальных и культурных объектов – такие как, например,

⁷ Аналогичное предположение можно сделать в отношении концепта «коллективное сознание», которое Дюркгейм, по всей видимости, заимствовал у А. Эспинаса.

«рама картины» – «имеют совершенно иное значение, чем то, что мы называем границами природных объектов» [Зиммель, 2006: 48]. Однако «границы в природе» – это не только «лишь место непрерывных экзосмосов и эндосмосов со всем, находящимся по ту сторону» [Зиммель, 2006: 48], это также место наибольшей активности и «озабоченности» любой целостной системы, а также место наиболее ярких проявлений системной динамики. «Именно на границах ...протекают самые интересные ...события» [Линник, 2013: 78], и это показано не только в фитосоциологии, но также в политической географии (см.: [Дронов, 2017]).

К проблематике границы имеет отношение тема разнообразия как проблема перехода через границы целостного, ограниченного в своем качественном составе сообщества. Взятая в этом ракурсе, фитосоциологическое понятие границы корреспондирует с функциональным подходом к пониманию социальной границы в социологии, где она связывается с «социальной идентичностью и критериями принадлежности к социальной группе» [Беспамятных, 2012: 44]. Пачоский развивал весьма рискованную, но не лишённую смысла аналогию между нарушением социальных и фитосоциологических границ и их последствиями для соответствующих сообществ: подобно тому как бузина, проникая в нижние ярусы леса, разрушает его единство, неконтролируемое проникновение в социум чужеродных социально-этнических элементов оказывает на него дестабилизирующее воздействие (см. [Линник, 2013: 60]). Серьезное социологическое обсуждение подобных вопросов выходит за рамки междисциплинарных аналогий, однако выявляемые в последних изоморфизмы, безусловно, имеют эвристическое значение. Они связаны с осмыслением разнообразия как прогрессивного или деструктивного фактора, рассмотренного с точки зрения сохранения системной целостности, самоорганизации и развития популятивного объекта.

Весьма отдаленные и в то же время наиболее интригующие междисциплинарные параллели можно провести в плоскости дилеммы дискретного/континуального, имеющей принципиальное значение для науки о растительности и стимулирующей теоретические поиски науки о социальности человека. Здесь стоит подчеркнуть, что для фитосоциологии проблема границы имеет не только предметно-исследовательский, но и дисциплинообразующий аспект. Сама модель сообщества как некоего взаимосвязанного единства – социума или даже организма, являющаяся ключевой интуицией фитосоциологии, определившей не только ее развитие, но и название, имплицитно предполагает наличие границы⁸. Согласно этой интуиции, растительный мир представляет собой совокупность дискретных образований – растительных сообществ. Между тем практически одновременно в фитоценологии (это название здесь будет более уместно) развивалось другое, конкурирующее направление, отрицающее наличие реальных границ между отдельными растительными скоплениями и противопоставляющее дискретной модели растительных сообществ континуальную. Эта вторая модель утвердилась в современной науке о растительности; в контексте этой парадигмы растительное сообщество «является абстракцией и результатом прагматической редукции многомерного континуума» [Миркин, Наумова, 2012: 126].

В социологии также наблюдается стремление уйти от фиксированных рамок социального и движение к процессуальным моделям («текущая современность» З. Баумана, социология мобильностей Дж. Урри, сетевое общество и пространство потоков М. Кастельса, текучий мир Дж. Ло и акторно-сетевая теория в целом, социология событий П. Штомпки и др.). Речь здесь, конечно, может идти не о прямых аналогиях, а скорее об отражении нового состояния мира, подвижного и взаимосвязанного, и нового взгляда на мир, акцентирующего его глобальную целостность и непрерывность в пространстве и времени. Этот новый взгляд характеризуется нарастающим сомнением в реальном существовании групповых единств и некоей новой, постмодернистской версией номинализма,

⁸ По Беспамятных, это – граница в структурном значении данного понятия: граница как «предел социальной системы, пространство взаимодействия между данной системой и ...тех, которые соседствуют с ней» (определение С. Уоллмена, цит. по: [Беспамятных, 2012: 44]).

не возвращающей субъекту статус главного действующего лица – агента социальности, но вплетающего его в поток процессов, событий и вещей.

Фитосоциология давно принадлежит истории науки. Само это слово сохранилось в некоторых языках, но всего лишь как синоним фитоценологии, очищенный от системных аналогий и параллелей. Однако чем бы ни была русская фитосоциология – казусом, исчерпанной моделью системного описания общества или полем нереализованных эвристик – она представляет собой весьма любопытную, яркую и драматичную страницу истории отечественной науки, нетривиально связанную с процессом становления социологической мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беспаятных Н.Н. Понятие границы в социологической теории // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 5. Экономика. Социология. Биология. 2012. № 1(125). С. 43–48.
- Вагнер В.А. «Социология» в ботанике (фитосоциология) // Природа. 1912. Сентябрь. С. 1059–1080.
- Василевич В.И. Становление российской фитоценологии в 10–30-х годах XX века // Ботанический журнал. 2018. 103(9). С. 1075–1092.
- Дронов А.М. Междисциплинарная практика изучения границ и пограничий // Историческая экспертиза. 2017. № 3(12). С. 128–143.
- Зиммель Г. Рама картины. Эстетический опыт // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 48–53.
- Корчагин А.А. Роль В.Н. Сукачева в развитии русской, советской фитоценологии // Сукачев В.Н. Избранные труды в 3 т. Т. III: Проблемы фитоценологии. Л.: Наука, 1975. С. 5–40.
- Линник Ю.В. Русская фитосоциология // Эко-Потенциал. 2013. № 3–4. С. 54–94.
- Миркин Б.М., Наумова Л.Г. Современное состояние основных концепций науки о растительности. Уфа: АН РБ; Гилем, 2012.
- Морозов Г.Ф. Лес как растительное сообщество. 2-е изд. М.: Государственное издательство, 1922.
- Морозов Г.Ф. Учение о лесе. 7-е изд. М.-Л.: Гослесбумиздат, 1949.
- Работнов Т.А. История фитоценологии. М.: Аргус, 1995.
- Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1, ч. 1. Петроград: Издат. т-во «КОЛОС», 1920.
- Сукачев В.Н. Избранные труды в 3 т. Т. III: Проблемы фитоценологии. Л.: Наука, 1975.
- Сукачев В.Н. Растительные сообщества (Введение в фитосоциологию). 4-е доп. изд. М.-Л.: Книга, 1928.
- Трасс Х.Х. Геоботаника. История и современные тенденции развития. Л.: Наука, 1976.
- Шмерлина И.А. Биологические грани социальности: Очерки о природных предпосылках социального поведения человека. М.: Либроком, 2013.
- Шмерлина И.А. Тема социальности животных в отечественной дореволюционной социологии: А.В. Эспинас и успех междисциплинарного диалога // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 4. С. 132–153. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.4.6101>
- Эспинас А.В. Социальная жизнь животных: Опыт сравнительной психологии. М.: Либроком, 2012.

Статья поступила: 17.07.19. Принята к публикации: 12.08.19.

THE CASE OF RUSSIAN PHYTOSOCIOLOGY

SHMERLINA I.A.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia**Irina A. SHMERLINA, Cand.Sci. (Philos.), Senior researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (shmerlina@yandex.ru).*

Abstract. The article gives a historical overview of the formation and development of Russian phytosociology and its explicit and implicit relationships with sociology. The reasons for the using by the plant science the conceptual apparatus of sociology are considered. Both sociology and botany deal with systems that are characterized by the discrete-summative principle of organization, the activity of elements of the system and the limited resources of the external environment. These parameters condition such features of the functioning of systems as mutual influences, competition for resources (struggle for existence), selection in accordance with the criteria of fitness, development towards increasing complexity (differentiation of positions, structuring the relationships in the system, etc.), active interaction with the environment and changing the latter for the needs of the system. It is shown that the sociological metaphors used by phytosociologists were inherently tools of systemic generalizations, and have in this regard an interdisciplinary sound. The article examines the interest of P. Sorokin's for phytosociology, for him it served as an argumentative basis in the dispute with nominalism and a source of conceptual ideas. The assumption is justified that the notion of «interaction», which is central for Sorokin's sociology, was developed by him under the influence of reading the phytosociological works by V.N. Sukachev and G.F. Morozov. Possible theoretical connotations between phytosociological issues and research interests of modern sociology are emphasized.

Keywords: phytosociology, metaphor, plant community, interaction, social environment, dilemma of realism/nominalism, discreteness/continuity, P. Sorokin, interdisciplinary.

REFERENCES

- Bespamiatnykh N.N. (2012) The Concept of Boundary in Sociological Theory. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Y. Kupaly. Seriya 5. Ekonomika. Sociologiya. Biologiya* [Herald of Y. Kupala Grodno State University. Series 5. Economics. Sociology. Biology] No. 1(125): 43–48. (In Russ.)
- Dronov A.M. (2017) Interdisciplinary Practice of Studying Borders and Boundaries. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical Memory]. No. 3(12): 128–143. (In Russ.)
- Espinas A.V. (2012) *Social Life of Animals: The Experience of Comparative Psychology*. Moscow: Librokom. (In Russ.)
- Korchagin A.A. (1975) The Role of V.N. Sukachev in the Development of Russian, Soviet Phytocenology. In: Sukachev V.N. *Selected Works in 3 vols. Vol. III: Problems of Phytocenology*. Leningrad: Nauka: 5–40. (In Russ.)
- Linnik Yu.V. (2013) Russian Phytosociology. *Eko-Potentsial* [Eco-Potential]. No. 3–4: 54–94. (In Russ.)
- Mirkin B.M., Naumova L.G. (2012) *The Current State of the Basic Concepts of the Science of Vegetation*. Ufa: AN RB; Gilem. (In Russ.)
- Morozov G.F. (1922) *Forest as a Plant Community*. 2nd ed. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Morozov G.F. (1949) *The Doctrine of the Forest*. 7th ed. Moscow-Leningrad: Goslesbumizdat. (In Russ.)
- Rabotnov T.A. (1995) *History of Phytocenology*. M.: Argus. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2013) *Biological Aspects of Sociality. Essays on the Natural Background of Human Social Behavior*. Moscow: Librokom. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2018) The Theme of Animal Sociality in Russian Pre-Revolutionary Sociology: A.V. Espinas and the Failure of Interdisciplinary. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal] Vol. 24. No. 4: 132–153. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.4.6101>.
- Simmel G. (2006) Picture Frame. Aesthetic Experience Rama Kartiny. In: Vahshtajn V. (ed.) *Sociology of Things*. Collection of Articles. Moscow: Territoriya budushchego: 48–53. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1920) *The System of Sociology*. Vol. 1. P. 1. Petrograd: Izdat. t-vo «KOLOS». (In Russ.)
- Sukachev V.N. (1928) *Plant Communities (Introduction to Phytosociology)*. 4th add. ed. Moscow-Leningrad: Kniga. (In Russ.)
- Sukachev V.N. (1975) *Selected Works in 3 vols. Vol. III: Problems of Phytocenology*. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
- Trass H.H. (1976) *Geobotany. History and Current Development Trends*. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
- Vagner V.A. (1912) «Sociology» in Botany (Phytosociology). *Priroda* [Nature]. September: 1059–1080. (In Russ.)
- Vasilevich V.I. (2018) Establishment of Russian Phytocenology. *Botanicheskii zhurnal* [Botanical Journal]. Vol. 103. No. 9: 1075–1092. (In Russ.)